

А. Б. Модзалевский

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПУШКИНА

Письма Пушкина сравнительно рано обратили на себя внимание. Вскоре после его смерти М. П. Погодин писал 11 марта 1837 г. кн. П. А. Вяземскому: «Хорошо было бы, если бы вы объявили в «Современнике» желание, чтобы все, имеющие у себя письма Пушкина, относились к вам и присылали бы копии для напечатания. Надо сохранить всякую его строку. И так уже мы растеряли сколько!»¹.

Однако, это благое пожелание не было тогда осуществлено. Оно и понятно, если принять во внимание, что письма Пушкина, насыщенные актуальными литературными и политическими высказываниями, не могли быть тогда в условиях цензуры николаевской реакции опубликованы не только полностью, но даже в выдержках. Лица, хранившие у себя его письма и читавшие их в подлиннике, давали им высокую оценку, как замечательному источнику для изучения не только личной биографии поэта, но также его творчества и истории его эпохи. Письма его привлекали к себе простотою своего языка, меткостью и тонкостью суждений, образностью выражений и другими качествами, отличающими вообще художественную прозу Пушкина-писателя. Пушкин жил в эпоху, когда письма еще не утратили, как это стало впоследствии при развитии техники и средств сообщения, того значения непосредственной беседы двух лиц между собою, которое имели письма деятелей XVIII в., привлекавшие этой простотою и непосредственностью самого Пушкина: известно, например, как высоко он ценил письма Вольтера.

По поводу переписки Вольтера с де-Броссом Пушкин писал: «Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торгова, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де-Броссом. Оба друт перед другом кокетни-

¹ Соч. Пушкина, ред. П. О. Морозова изд. «Просвещение», т. II, стр. 499.

чают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, т. е. любезнейшим из собеседников».

В своих письмах Пушкин, подобно Вольтеру, выступает прежде всего как замечательный собеседник. Это качество его корреспонденты высоко ценили и любили, дорожа его письмами. Поэт относился к процессу писания письма, как к большой ответственной творческой работе. Об этом говорят сохранившиеся в большом количестве черновики его писем; они свидетельствуют о большой культуре его писательского труда и, наряду с черновиками его художественных произведений, показывают его исключительное мастерство творца, писателя-профессионала.

Пушкин, без сомнения, сам высоко ставил свои письма. После смерти своего друга А. А. Дельвига он писал М. Л. Яковлеву в 1831 г.: «На-днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть, со временем это напечатаем. Нет ли у ней (т. е. у вдовы) моих к нему писем? Мы бы их соединили».

Свою личную переписку Пушкин бережно хранил. До нас дошли почти все полученные им письма от его многочисленных корреспондентов, а также многие черновики его писем к разным лицам. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому в 1833 г.: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам»¹. Поэт сохранял не только письма к себе ряда литературных деятелей, но также лиц мало известных в то время, вплоть до писем своей няни Арины Родионовны и своей переписки по хозяйственным делам с управляющим его имением М. И. Калашниковым. Значение писем, как явления литературного и как будущего исторического документа-первоисточника, было несомненно осознано поэтом; вот почему он берег и письма к себе (дружеские, официальные и деловые), как будущий богатейший фактический материал.

Однако, в печать письма поэта проникали медленно, в искаженном цензурно виде, в отрывках. До нас дошла лишь часть его громадного эпистолярного наследия. За свою недолгую жизнь он написал по приблизительному подсчету около 2 000 писем. К настоящему времени известно лишь 800 писем. Если, как мы видели, ближайšie друзья поэта понимали великое значение пушкинской переписки, то

¹ Соч. П. А. Плетнева, т. III, стр. 524, СПб. 1885.

потребовалось много времени для того, чтобы это понимание внедрилось в сознание более широких литературных кругов. Большие препятствия к опубликованию писем чинили родственники Пушкина, которые противились печатанию его корреспонденции как из-за ложной боязни нарушения семейных тайн, так и из-за боязни предать огласке ряд политических и литературных высказываний поэта, шедших вразрез с утвердившимся в семье консервативным образом мыслей. Родственники не остановились даже перед мыслью «поколотить» И. С. Тургенева за то, что он позволил себе в 1878 г. опубликовать письма Пушкина к жене, обогатившие наследие поэта изумительными по содержанию документами первостепенного биографического и литературного значения и обнажившие отчасти семейный уклад его жизни¹. Тургенев так характеризовал эти письма: «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком того времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого образованного русского человека; для историка литературы они — сущий клад: нравы, самый быт известной эпохи отразились в них быстрыми, но яркими чертами»... в этих письмах — как и в прежде появившихся, — так и бьет струею светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красивость выражения»².

За 20 лет до инцидента с И. С. Тургеневым произошла крупная история с опубликованием писем поэта к брату Л. С. Пушкину, умершему в 1852 г. Они напечатаны были в «Библиографических Записках» (в 1858 г.) и причинили неприятности и цензору и редактору журнала.

Однако, письма Пушкина продолжали печататься в различных журналах, сборниках, газетах и постепенно завоевали всеобщее признание. Появилась необходимость собрать их воедино, чтобы представить их в полном объеме. Первое издание писем было осуществлено П. А. Ефремовым в 1882 г. и составило VII том издания сочинений Пушкина, выпущенного под его редакцией; в него вошло 375 писем. В 1887 г. П. О. Морозов в редактируемое им издание Литературного фонда (т. VII) включил уже 491 письмо. В следующее издание Ефремова-Суворина в 1903 г. вошло 617 писем. В издание Морозова («Просвещение»; 1906 г.) включено было также 617 писем. Академическое издание «Переписки Пушкина», под редакцией В. И. Саитова, в 3 томах, 1906—1912 гг., заключало в себе 713 писем. Вышедшие в 1915 г. V и VI томы издания Брок-

¹ «Стасюлевич и его современники», том III, стр. 149.

² «Вестник Европы» № 1, стр. 8, 1878.

гауза-Ефрона, под редакцией С. А. Венгерова, включали уже 733 письма. Наконец, в незавершенное еще отдельное издание писем 1926—1935 гг., под редакцией Б. Л. и Л. Б. Модзалевских (вышли томы I—III), должно войти 800 писем.

Таким образом за последние 55 лет эпистолярное наследство Пушкина обогатилось более чем 400 письмами, т. е. количество известных до 1882 г. в печати писем увеличилось более чем вдвое.

Нет надобности, конечно, говорить о том, что и несовершенства публикации и цензурные пропуски, искажавшие ранее письма, в последнем и единственном пока полном своде писем за 1815—1833 гг., вышедшем после Великой Октябрьской революции, совершенно устранены, и мы располагаем теперь точным текстом всех известных за эти годы писем поэта. Самое разыскание подлинников писем, представлявшее ранее большие трудности вследствие того, что они находились во владении многих частных собирателей и любителей автографов, в настоящее время не представляет затруднений: большинство их хранится в государственных архивах и библиотеках; лишь незначительная часть подлинников утрачена из-за небрежности лиц, ими владевших.

Из писем Пушкина наиболее цельная и обширная переписка его сохранилась со следующими лицами: А. Х. Бенкендорфом, А. А. Бестужевым, кн. П. А. Вяземским, Н. И. Гнедичем, Н. Н. Пушкиной, А. Н. Гончаровым, А. А. Дельвигом, В. А. Жуковским, А. П. Керн, П. А. Осиповой, П. А. Плетневым, М. П. Погодиным, Л. С. Пушкиным, Е. М. Хитрово, П. В. Нащокиным.

Не дошли до нас письма поэта к Е. А. Боратынскому, А. Ф. Вельману, Ф. Ф. Вигелю, гр. М. С. Воронцову и гр. Е. К. Воронцовой, к бар. Е. Н. Вревской, бар. С. М. Дельвиг, Н. М. и Е. А. Карамзиным, Н. И. Кривцову, В. К. Кюхельбекеру, И. П. Липранди, И. П. Мятлеву, А. Н. Оленину, И. И. Пущину, А. Н. и Н. Н. Раевским, Е. Н. Ушаковой и др.

К многим другим лицам, часто и много переписывавшимся с этим, дошла до нас небольшая часть писем, иногда ничтожно малая, если принять во внимание длительность общения с ними Пушкина. К таким адресатам относятся его отец, мать и сестра, П. А. Плетнев, П. А. Катенин, Н. С. Алексеев, А. И. Тургенев, К. Ф. Рылеев, А. Н. Вульф и др.

Значение известных в печати писем поэта, конечно, не равноценно. Наряду с важнейшими письмами к Бенкендорфу, отражающими политические моменты жизни Пушкина и сношения его с правительством, наряду с письмами к кн. П. А. Вяземскому, Н. И. Гнедичу,

А. А. Дельвигу, А. А. Бестужеву, К. Ф. Рылеву, М. П. Погодину, П. А. Плетневу, В. А. Жуковскому, П. А. Катенину, Е. М. Хитрову и др., раскрывающими перед нами все разнообразие литературных, журнальных и общественно-политических интересов поэта и его корреспондентов, — письма его к Л. С. Пушкину, П. В. Нащокину, П. А. Осиповой и др. отражают другую сторону его жизни: взаимоотношения с друзьями, различные жизненные интересы. Письма к жене полны богатейшим материалом о семейном укладе жизни, описаниями происшествий «высшего света», заботами материального и бытового характера; письма к мужу сестры Н. И. Павлищеву и О. И. Пеньковскому наполнены вопросами хозяйственно-материального порядка, связанными с заботами по управлению отцовскими имениями. Однако, каждое из писем, или даже небольших деловых или приятельских записок, представляет неоценимый источник для изучения Пушкина. Вот почему мы так дорожим отрывками разорванных черновигов писем поэта к Геккерену, являющимися ценным материалом для исследования вопроса о предсмертной драме Пушкина.

В настоящее время усилиями советских пушкинистов изучение жизни и творчества Пушкина настолько продвинулось вперед, что в свете новейших исследований многие намеки и недомолвки в письмах поэта, вызванные разными соображениями и в первую очередь боязнью перлюстрации писем, очень широко применявшейся в ту эпоху, теперь становятся нам понятными. Для предыдущих поколений читателей ряд замечаний и высказываний Пушкина, тонкого литератора и политика, оставался неясным и расплывчатым. Из-за неправильного освещения того или иного факта, упомянутого в письмах поэта, происходило иной раз неправильное суждение; суждение это вызывало горячие споры, удивившие спорящих далеко в сторону; утвердившееся мнение, выросшее на основе неправильно понятого факта, спустя много лет, однако, рушилось, если непонятый вначале факт был впоследствии по-новому освещен и объяснен. Никаких объяснений к письмам Пушкина с момента первого их издания не появлялось. Читатель бродил в потемках и каждый раз заново по-своему толковал тот или иной факт переписки поэта. Следующие издания писем ограничивались краткими, мало удовлетворительными примечаниями. Назревала настоятельная потребность такого нового издания писем, в котором не было бы оставлено без объяснения почти ни одного места. Труд несомненно предстояло проделать громадный; работа отпугивала своей величиною.

В дореволюционное время письма Пушкина так и оставались не-

комментированными. Первое комментированное научное издание писем было предпринято покойным Б. Л. Модзалевским, успевшим выпустить в 1926—1928 гг. 2 тома, обнимающих письма за 1815—1830 гг. Грандиозный труд этот составил как бы своеобразную энциклопедию по Пушкину за указанные годы его жизни. Опыт такого издания несомненно оправдал себя, в нем отразился, как в фокусе, многолетний итог изучения Пушкина. Издание принесло огромную пользу делу построения научной биографии Пушкина.

Наличие такого издания, однако, нисколько не разрешило вопроса о массовом издании писем Пушкина, в основном не известных или мало известных советскому читателю. Ни одно послереволюционное издание сочинений Пушкина не включает в себя его письма. Этому назревшему вопросу недавно была посвящена специальная статья Г. А. Гуковского в «Правде»¹. Заостряя внимание советской общественности на необходимости включения писем Пушкина в издание его сочинений, автор статьи правильно оценивает значение писем, как документов первостепенного научного характера и как высокохудожественной эпистолярной прозы Пушкина.

Советский читатель должен, наконец, иметь тексты всех сочинений Пушкина в общедоступном издании его сочинений. Нужно надеяться, что в ближайшее же время этот пробел будет заполнен и новые издания собрания сочинений поэта будут украшены его замечательными письмами.

¹ «Правда», январь 1937, № 7.

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**